

А.А. Майер

**Наброски и очерки Ахал-
Текинской экспедиции
1880-1881 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
А11

А11 **А.А. Майер**
Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880-1881 гг. / А.А. Майер –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 270 с.

ISBN 978-5-458-40820-2

ISBN 978-5-458-40820-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Взявшись за перо въ минуту тяжелой хандры и чувства полного одиночества, я вскорѣ съ искреннею радостію замѣтилъ, что процессъ приведенія на память впечатлѣній моей боевой жизни заполняетъ пустоту моего прозябанія... Длинной вереницей тянутся мысли одна за другою, сцена перехода по сыпучимъ пескамъ смѣняется сценами боя; лица товарищей явственно представляются глазамъ; всё это такъ живо, такъ рельефно!...

Незамѣтно для самаго себя увлекаешься воспоминаніями и въ результатъ появляется изложеніе собственнѣйшихъ чувствъ и мыслей, пережитыхъ за одиннадцать мѣсяцевъ похода. Поэтому, читатель, вы и не найдете въ предлагаемыхъ вашему вниманію очеркахъ объективнаго взгляда на экспедицію, не найдете критической оцѣнки дѣйствій того или другаго начальника, не найдете характеристики, по крайней мѣрѣ обширной, распоряженій и образа веденія всего предпріятія покойнымъ Михайломъ Димитріевичемъ Скобелевымъ. То, что вы прочтете, если хватитъ терпѣнія, есть сумма личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною за время участія въ экспедиціи.

Будучи морякомъ, я могъ быть вполне безпристрастнымъ ко всѣмъ остальнымъ родамъ оружія, что даже и въ очеркахъ, а не въ историческомъ изслѣдованіи, все таки играетъ значительную роль.

Проглядывающее въ моей книгѣ боготвореніе покойнаго „бѣлаго генерала“, по всѣмъ вѣроятіямъ, ни одному истинно русско-

му человѣку не покажется удивительнымъ—Скобелевъ былъ у насъ одинъ, обладавшій способностью привлекать на всегда сердца тѣхъ людей, кровь которыхъ, по словамъ недоношеннаго критика Градовскаго, онъ такъ мало берегъ...

Выступая впервые на литературное поприще, я сознаю себя слишкомъ слабымъ, чтобы бороться съ вышепоименованнымъ г. Градовскимъ, авторомъ известнаго пасквиля на покойнаго героя. Да, собственно говоря, борьбы и быть не можетъ—дѣйствіе этого пасквиля было совершенно обратное тому, что ожидалъ г. Градовскій; всякій, прочтя его брошюру, проникнется еще большимъ уваженіемъ къ памяти великаго покойника, забрызгать которого грязью не удастся не только одной, но и цѣлой сворѣ черпильныхъ „мосекъ“.

Впрочемъ, лично для меня, брошюра г. Градовскаго кажется изданною не съ цѣлію „облаянія“ памяти Скобелева, а съ цѣлію болѣе практичною—финансовою.

У покойника было и есть много завистниковъ, какъ у всякаго выдающагося человѣка, особенно въ числѣ разныхъ, лыкомъ шитыхъ генераловъ и другихъ не признанныхъ военныхъ гешевъ. Эта публика раскупала брошюру рьяно, нѣтъ сомнѣнія. Почитатели покойнаго Скобелева тоже покупала книжонку, чтобы собственными глазами убѣдиться до чего можетъ дойти, характеризующее вообще нашу эпоху, нахальство бумагомарателей... Въ результатѣ—хорошій „гешефтъ“ для г. Градовскаго, который, будучи истиннымъ героемъ нашего продажнаго времени, логично рассудилъ, что за тычкомъ или обруганіемъ гнаться не слѣдуетъ, а деньги—вещь хорошая!....

Въ моихъ воспоминаніяхъ объ экспедиціи собственно Михаилу Дмитриевичу Скобелеву отведено мало мѣста. Я выше уже говорилъ, что излагать главнымъ образомъ собственные впечатлѣнія, произведенныя на меня исключительною обстановкою степнаго

похода. Всякій разъ, когда передо мною являлся „бѣлый генералъ“—онъ являлся въ ореолѣ героя... Онъ производилъ на меня трудно объяснимое впечатлѣніе... Много разъ, напр., у меня являлось страстное желаніе быть убитымъ у него на глазахъ, съ какою цѣлю—я не могу себѣ отдать отчетъ..... Его присутствіе въ бою производило особенный подъемъ всей нервной системы....

Чувствуя себя не въ силахъ дать какую нибудь характеристику для этаго человѣка, бывшаго всегда въ моихъ глазахъ чѣмъ то особеннымъ, я и не брался за эту непосильную работу, а удовольствовался изображеніемъ наиболее выдающихся картинокъ экспедиціи, для большинства читающей публики остающейся мало-извѣстною.

Александръ Майеръ.

Николаевъ 1884 года.

I.

На бивакѣ.

„Фельдфебеля къ командеру!“ крикнулъ рыжій, весь въ веселухахъ, солдатъ, старательно раздувавшій голенищемъ дыряваго сапога маленькій нечищенный самоваръ съ изломанной трубой, несомѣнно составлявшій собственность „командера“, сидѣвшаго у входа въ палатку и дымившаго толстую папиросу изъ короткаго обгрызаннаго мундштука. Вокругъ ревѣли развѣчиваемые верблюдами, ржали лошади, гремѣлъ голосъ батарейнаго командира, „разносившаго“ какого-то унтеръ-офицера, на запыленной, мѣдеокрасной физиономіи котораго выражалась апатія въ соединеніи съ чувствомъ удивленія къ необычайному краснорѣчію усатаго начальника, начинавшаго, впрочемъ, уже исчерпывать свой лексиконъ ругательныхъ выраженій и закончившаго такимъ словомъ, что даже пѣхотный солдатикъ, поблизости протиравшій винтовку, въ полголоса проризнеть: „ишь ты, ловко!“

Придерживая на бѣгу лѣвой рукой гремѣвшую саблю, явился фельдфебель и истуканомъ сталъ предъ „командеромъ“. Послѣдній выпустилъ изо рта облако дыма и, глубокомысленно почесавъ кончикъ носа, изрекъ:

— „Выставить немедленно аванпосты, да смотри у меня,

назначить не по наряду, а людей посвѣжѣ. Какъ бы не было, чего сегодня ночью“...

— „Слушаю, ваше в—дѣ“, рывнуль молодцоватый фельдфебель и, повернувшись налѣво кругомъ, сразу исчезъ въ хаосъ людей и лошадей.

Описываемая сцена происходила на одномъ изъ биваковъ колонны, шедшей изъ Чикишляра въ Баи, въ началѣ іюля 1880 года.

Тѣницы бродили шайкамъ по степи и поэтому, дѣйствительно, можно было „чегонибудь“ ожидать. Солнце собиралось заходить; длинныя тѣни падали отъ всѣхъ предметовъ и хребетъ Копетъ-Дага какъ-бы удалялся отъ глазъ наблюдателя, принимая все болѣе и болѣе темнолиловые оттѣнки.

Синева безоблачнаго неба общала скоро обратиться въ черный сводъ, вся же степь окрашивалась въ блѣдно-оранжевый цвѣтъ. Красноватые лучи солнца играли на кончикахъ штыковъ ружей, составленныхъ въ пирамиды и освѣщали причудливымъ образомъ фантастически одѣтыхъ въ разноцвѣтныя лохмотья верблюдовожатыхъ, копошившихся около разведеннаго въ сторонѣ огня, на которомъ готовился иловъ. Гортанные звуки ихъ говора далеко разносились и покрывали собой голоса солдатъ, лежавшихъ тутъ и тамъ.

— „Куда тебя черти несутъ? не вишь нѣшто—человѣкъ лежить!“ крикнуль солдатъ казаку, несшему вязанку колючекъ и наступившему ему на руку.

— „А ты чего идоломъ разлегся на дорогѣ,—степь, чай, узка тебѣ?“

— Вотъ какъ наkostenяю бока, тогда узнаешь, хохлающая твоя образина!“ отвѣчалъ солдатъ, разобидѣвшійся дѣльнымъ замѣчаніемъ казака.

— „Нехай его бреше, сучій москаль, то чай стынетъ“, увѣ-

щеваль другой таманецъ товарища, собиравшагося отыскать солдату за названіе „хохлацкая образина“. И оба казака побрали въ большому костру, откуда слышался малороссійскій говоръ и громкіе окрики на лошадей, бившихъ другъ дружку на коновязи.

Солице сѣло и на мѣстѣ заката оставались багровыя полосы, золотившія на горизонтѣ холмы.

Невыносимая духота дня смѣнилась пріятною прохладою. Показались звѣзды и серповидный кусочекъ луны, которая скоро должна была скрыться. Послышались пѣсни и смѣхъ солдатъ, позабывшихъ объ усталости дня.

Господа офицеры выползли изъ палатокъ и собрались пить чай. Деньщики забѣгали съ переметными сумами; зазвенѣли стаканы, явилась бутылка съ водкой и классическая закуска офицера въ походѣ—коробки съ сардинками и колбаса, пригодная по своей твердости замѣнить картечь въ критическій моментъ боя. Вотъ, на двухъ разостланныхъ на землѣ бурнахъ, разиѣстилось человекъ 8 офицеровъ: тутъ и пѣхотинцы, и артиллеристы, и два моряка, и казакъ—словомъ всѣ роды оружія.

Первое время неслышно ничего кромѣ бульканья и pokrиванья—бутылка обходитъ компанію; съ болѣзненною напряженностью слѣдятъ взоры тѣхъ, до кого она не дошла, за количествомъ остающейся въ ней влаги. А вдругъ мнѣ не хватитъ? думается непьющимъ; но все благополучно: всѣмъ хватило и выпить и закусить.

— „А что, господа, не къ ночи будь сказано, какъ-бы эти черги такія не надѣлали намъ хлопотъ“, сказалъ офицеръ самурецъ, прожевывая кусокъ черного сухаря.

— „Ну, вотъ тоже! возразилъ усаый артиллеристъ, столь энергично разносившій недавно унтеръ-офицера: пускай явятся, узнаютъ, что значить хорошій картечный выстрѣлъ!“ При этомъ онъ опрокинулъ въ ротъ вторую порцію водки.

Артиллеристы въ походѣ счастливѣйшіе люди: у нихъ всегда есть возможность набрать съ собой массу закусокъ и вина, такъ какъ въ зарядныхъ ящикахъ можетъ помѣститься, помимо смертельныхъ гранатъ и шрапнелей, много и другихъ вещей. Начали пить чай; разговоръ принялъ оживленный характеръ.

Посыпались остроты, шутки; посмѣялись добродушно надъ моряками, попавшими совершенно неожиданно не въ свою стихію, поговорили о далекомъ сѣверѣ и, какъ всегда въ обществѣ офицеровъ, разговоръ перешелъ къ скабрзнымъ анекдотамъ, при чемъ каждый обязывался разсказать по одному. Между тѣмъ наступила полная темнота. Завыл шакалъ; на душѣ становилось какъ-то жутко; чувствовалось, что въ случаѣ нападенія неминуемо должна произойти, вслѣдствіе темноты, суматоха, могущая не особенно хорошо для насъ кончиться.

Наступила тишина, прерываемая только чавканьемъ верблюдовъ, пережевывавшихъ свою жвачку, да храпомъ спящихъ солдатъ; изрѣдка на коновязи начинала ржать и биться лошадь и тогда слышался полусонный окрикъ дежурнаго по коновязи, и снова все замирало, и въ стени мелькала масса огоньковъ—глаза степныхъ хищниковъ, издававшихъ звуки въ родѣ плача маленькаго ребенка.

— „Однако пора спать“, заявилъ кто-то изъ офицеровъ и, тяжело поднявшись съ бурки, поплелся во svoexa, натываясь на спящихъ и въ полголоса ругаясь на темноту. Вся компанія разошлась. Слышно было, какъ звали разныхъ Ивановъ, Петровъ и пр.—это денщики должны были помогать своимъ господамъ ложиться спать и затѣмъ, послѣ неоднократнаго зова, слышалось зѣванье, потягиваніе и неизмѣнное: „сейчасъ, ваше б—діе“.

Бивакъ погрузился окончательно въ сонъ и только аванпосты зорко всматривались въ темноту, ожидая нечаяннаго нападенія.

II.

Переходъ въ степи.

Жарко, душно... Губы и языкъ запеклись, глаза налились кровью, потъ струится по исхудалымъ, обожженнымъ лицамъ, оставляя грязныя полосы. Ноги съ трудомъ передвигаются, шаги неровные, колеблющіеся; винтовка кажется пудовою тяжестью и немилосердно давить плечо, а солдатикъ все идетъ, идетъ машинально, пока не завертится все въ глазахъ, не покроется кровавымъ облакомъ и сотни молотовъ не застучать въ виски; тогда представитель касты „пушечнаго мяса“ закачается, взмахнетъ руками, берданка вывалится и съ тихимъ, душу надрывающимъ стономъ, свалится онъ на горячій песокъ съ закатившимися глазами, съ пѣной у рта. Немедленно являются „земляки“, такіе же измученные, едва движущіеся, приподымають товарища, льютъ ему въ горло теплую, мутную воду изъ баклажки, смачиваютъ голову, освѣжаютъ воздухъ, размахивая своими отрепанными фуражками, но „землякъ“ лежитъ безъ чувствъ; хриплое дыханіе со свистомъ выпрывается изъ его конвульсивно поднимающейся груди, онъ скрежетаетъ зубами и пѣна съ кровью течетъ по его обострившемуся подбородку на смоченную потомъ изорванную рубашку, въ многочисленныя дыры которой видны ребра, обтянутыя смуглой ко-

жей, давно невидавшей бани. У солдатика солнечный удар—явление обыкновенное въ Средней Азии. Но вотъ является представитель медицины—фельдшеръ, въ большинствѣ случаевъ семитическаго происхожденія. Съ помощію нашатырнаго спирта больной приводится въ чувство и счастье его, если открывается кровоотеченіе носомъ: жизнь спасена. Поддерживаемый товарищами бредеть онъ къ ротному фургону, гдѣ уже сидитъ не одинъ „слабый“; тутъ же помѣщается фельдшеръ, который чрезъ краткіе промежутки времени мочитъ ему водой голову, забитованную кускомъ полотна, и старается иѣшать ему уснуть, такъ какъ сонъ послѣ солнечнаго удара можетъ имѣть смертельный исходъ. Дремящій возница попускаетъ лошадей и фургонъ торопится снова занять свое мѣсто въ длинномъ ряду другихъ повозокъ и фургоновъ.

Безконечною желтою сватертью раскинулась степь. Какъ можно объять взглядъ, видна только пустыня, изрѣзываемая кое-гдѣ блестящими бѣлыми полосами,—это солончаки. Ни клочка зелени, ни деревца, ни холма—словомъ ничего, на чемъ бы могъ отдохнуть глазъ, уточенный однообразіемъ этой, Богомъ обиженной страны.

На блѣдно-голубомъ небѣ нѣтъ ни облачка,—да откуда бы, впрочемъ, могло оно взяться, когда нѣтъ воды для испареній? Удушливый воздухъ неподвиженъ, нѣтъ ни малѣйшаго вѣтра и это счастье! Сколько разъ мнѣ приходилось слышать отъ новичковъ въ степномъ походѣ пожеланіе, чтобы задуть вѣтеръ, и затѣмъ, когда желаніе это случайно исполнялось, какія проклятія посылались этому, столь нетерпѣливо ожидаемому вѣтерку! Да и было за что. Представьте себѣ удовольствіе въ теченіи 5 и 6 часовъ идти въ облакѣ мелкаго песку, не видя ничего въ 10 шагахъ и пропитываясь пылью, набивающейся въ носъ, въ ротъ, въ уши. Слезы льются градомъ, вѣки опухаютъ и краснѣютъ отъ постоянного вытиранія глазъ платкомъ. Очки мало помогаютъ и